

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 911.37(470+571)

О.Ю. Голубчиков¹, А.Г. Махрова²

ФАКТОРЫ НЕРАВНОМЕРНОГО РАЗВИТИЯ РОССИЙСКИХ ГОРОДОВ

В статье проводится анализ факторов неравномерного развития российских городов в постсоветский период в контексте взаимоотношения между различными “объективными” и “субъективными” группами факторов, в том числе рассмотрены роль численности населения города, его функции и статус, унаследованная структура, экономико-географическое положение, политика властей разного уровня и крупного бизнеса, качество городской среды и человеческий капитал как факторы неравномерного развития российских городов.

Ключевые слова: города, неравномерное развитие, факторы трансформации, численность населения, функции городов, экономико-географическое положение, городская политика.

Введение. На рубеже XX—XXI вв. в развитии российских городов возникли новые тенденции, тесно связанные с изменением институциональных и социально-экономических условий в стране. При этом кардинальная смена вектора от выравнивания к усилению неравномерности в уровне социально-экономического развития городов и регионов, пожалуй, одно из наиболее ярких явлений в процессах постсоветской урбанизации. Усугубление градиентов социально-экономической дифференциации между городами привело к тому, что уровень межгородского неравенства, как отмечено в работах Т.Г. Нефедовой и А.И. Трейвиша, значительно превышает диспропорции между субъектами РФ [10, 19]. Тем не менее именно регионы и крупнейшие города остаются основным объектом исследований в этой сфере знаний, тогда как факторы неравномерного развития городов осмыслены пока мало [4, 12].

Постановка проблемы. В основной массе работ на эту тему указана “детерминированность” процессов усугубления неравенства между городами в России, что связано как с переходом к рынку и отходом от плановой экономики, так и с глобализацией и “барьерами пространства” [3, 10—14]. Вместе с тем опыт стран со сложившимися капиталистическими отношениями указывает на примат господствующей идеологии в определении уровня территориальных диспропорций. Так, переход стран Запада к более либеральным экономическим моделям в 1970-е гг. и отход от фордистско-кейнсианской политико-экономической модели развития был сопряжен с ослаблением политики, направленной на сбалансированное территориальное развитие. Неравномерное развитие теперь понимают не как ограничение для развития, а как механизм ускоренного роста, когда приоритет уделяется стратегическим территориям — “локомотивам роста” [15]. Результатом реализации этих противоречивых “нео-

либеральных” постулатов стало весьма болезненное усугубление территориальных диспропорций в городском развитии, что на сегодняшний момент, в стадии экономического кризиса мировой капиталистической экономики, создает дополнительные ограничения для выхода из кризиса.

В связи с этим развитие городов и их дифференциацию считают не только “объективными” обстоятельствами, но и “субъективными” факторами (в том числе, присутствие или отсутствие той или иной национальной политики территориального развития). В статье рассмотрены итоги неравномерного развития российских городов в контексте взаимоотношения между “объективными” и “субъективными” группами факторов.

Материалы и методы. Статья основана на анализе статистических данных за 1991—2011 гг., статистической базы “Экономика городов России” (ранее называемой “Паспортами городов”)³, а также на обобщении первичных исследований, выполненных авторами по проблеме демографической, экономической и политической трансформации городов, в том числе, по результатам социологических опросов, глубинных интервью с экспертами в сфере городского развития и изучения ряда городов-“ключей” [1, 5—8, 16—18]. Кроме того, обобщены вторичные источники и работы по рассматриваемой теме, официальные документы и аналитические доклады.

Результаты исследований и их обсуждение. Авторы большинства работ, где прямо или косвенно рассмотрен процесс неравномерного развития российских городов, считают, что среди главных “объективных” факторов можно выделить численность населения города, его статус, функции и положение [4, 11, 12].

Численность населения города и особенно его динамика традиционно рассматриваются в качестве наиболее доступных и важных показателей среди факто-

¹ Бирмингемский университет, факультет географии и наук о Земле и окружающей среде, доцент; e-mail: o.golubchikov@bham.ac.uk

² Московский государственный университет, географический факультет, кафедра экономической и социальной географии России, вед. науч. с.; e-mail: almah@mail.ru

³ Данные получены в Вычислительном центре Росстата, в том числе в кооперации с коллегами из Германии и Института географии РАН — И. Браде, Т.Г. Нефедовой и А.И. Трейвишем, которые выполнили серию работ по диагностике состояния российских городов в постсоветское время [12—14, 22].

ров, отражающих степень социально-экономического благополучия города. В советское время население увеличивалось практически во всех городах, в постсоветский период, напротив, свыше 70% российских городов охватила депопуляция. Хотя население сокращалось в городах всех групп людности, наиболее значительно это происходило в городах с численностью менее 100 тыс. человек (табл. 1).

Таблица 1

Растущие и убывающие города РФ: динамика городов разных групп людности за 1991–2011 гг.*

Показатель	Все города	В том числе города с численностью населения в 1991 г.		
		менее 100 тыс. чел.	от 100 до 500 тыс. чел.	свыше 500 тыс. чел.
Общее число учтенных городов, ед.	1011	845	132	34
Общее число учтенных городов, % в том числе:	100	100	100	100
растущие или стабильные, %	29	27	39	41
убывающие, %	71	73	61	59

* Расчеты выполнены только для городов, для которых есть сопоставимые данные. Составлено по данным ГМЦ России, 2012 г.

Сравним убыль населения городов со среднероссийскими темпами (–3,65%), поскольку это нивелирует тот факт, что даже в миграционно-аттрактивных центрах за счет старения населения может сокращаться людность [2]: прослеживается симметрия в том, что только 1/3 городов в группе городов с людностью свыше 500 тыс. человек теряла население быстрее среднероссийского уровня, тогда как в группе городов с населением менее 100 тыс. человек таких “рекордсменов” было уже 2/3. Для городов с людностью от 100 до 500 тыс. этот показатель составляет 50%, констатируя их статус “средняков”, причем на этом фоне население Москвы выросло более чем на 30%⁴.

Хотя в каждой группе городов есть свои лидеры и аутсайдеры, наблюдается выраженная тенденция к стягиванию населения, связанная с избирательностью миграций в крупнейшие города, особенно в столицы и их спутники, а также в городские центры, расположенные в Центре и на Юге страны, в нефте- и газодобывающие города Тюменской области и национальных республик Поволжья. Однако часто даже в соседних городах с близкими размерами и внешне похожими функциями отмечается разная динамика.

Так, при увеличении числа больших городов — спутников Москвы, подмосковный Ногинск потерял статус “стотысячника” прежде всего за счет особенностей унаследованной структуры экономики.

Разная привлекательность городов в большой степени отражает изменения в *экономике и функциях городов* — переход от индустриального урбанизма к постиндустриальному, который происходил на фоне открытия рынков, атомизации экономик городов и необходимости их форсированной адаптации к новым условиям и привел к неравномерному распределению благосостояния между городами России.

Так, в 1990-е гг. в условиях спада промышленного производства оборотной стороной вынужденной деиндустриализации стала ускоренная тертеаризация экономики городов. Ее главными бенефициарами стали крупнейшие центры страны с людностью свыше 500 тыс. человек, это иллюстрирует увеличение их доли почти на 20% и в обороте розничной торговли, и во вводе жилья, и в инвестициях (в основном за счет сокращения удельного веса малых и средних городов) (табл. 2). При этом рост доли населения крупнейших центров был гораздо скромнее и происходил даже при небольшом увеличении удельного веса населения малых и средних городских центров. Кроме пополнения состава этой группы за счет перехода в нее депопулирующих больших городов, это связано как с низкой миграционной подвижностью населения, сдерживаемой транспортными издержками и почти “крепостной” зависимостью от приватизированного жилья, так и с “отходничеством”, когда люди давно живут и работают в крупных городах при сохранении прежнего адреса постоянной регистрации.

Таблица 2

Удельный вес городов с различной численностью населения по ряду социально-экономических показателей, %*

Год	Численность населения	Инвестиции	Товарооборот	Ввод жилья
Города с численностью населения менее 100 тыс. чел.				
1991	43,5	42,3	25,0	43,1
2010	45,5	23,8	11,8	20,6
Города с численностью населения от 100 до 500 тыс. чел.				
1991	34,9	27,4	27,2	26,5
2010	25,6	26,5	20,4	30,6
Города с численностью населения свыше 500 тыс. чел.				
1991	21,6	30,3	47,8	30,4
2010	28,9	49,7	67,8	48,8

* Составлено по данным ГМЦ России, 2012 г.

⁴ Две трети всего миграционного прироста страны получают только четыре наиболее привлекательных территории: Москва, Московская область, Санкт-Петербург и Ленинградская область при сильном доминировании Москвы и Московской области, доля которых варьировала в последние годы от 40 до 60%.

Несколько особняком стоят города с населением от 100 до 500 тыс. человек, в которых доля ввода жилья даже выросла, что произошло за счет сдвига строительной активности во второй половине 2000-х гг. из Москвы в ее города-спутники в Подмоскowie. В 2010 г. в 16 городах “стотысячниках” в Московской области сконцентрировалась почти 1/4 всего ввода жилья в этой группе центров.

В период восстановительного роста, когда вынужденный характер тертеаризации экономики в 1990-е гг. сменился более здоровыми тенденциями, тертеаризация продолжалась при сохранении и даже наращивании промышленного производства (т.е. одновременно с так называемым процессом реиндустриализации). Анализ душевого объема промышленного производства показывает, что даже в региональных столицах с их, казалось бы, наиболее постиндустриализированной экономикой прослеживается четкая зависимость увеличения этого показателя от роста численности населения, которая сохраняется в течение всего постсоветского периода.

В постсоветский период помимо размера *статус города* стал одним из основных факторов усиления неравномерного развития городов страны. Именно столицы оказались в более выгодном положении, так как это не только крупнейшие города с более диверсифицированной экономикой, но в них сконцентрирована основная финансовая мощь региона из-за особенностей наполнения бюджетов разного уровня, что превращает их в главные ворота страны. В результате этого на внутрирегиональном уровне возрастет разрыв между столицами и возглавляемыми ими регионами, что отчетливо показывает сохраняющаяся дистанция в заработной плате, причем эта тенденция не зависит от размеров регионального центра [4, 8].

Кроме размеров и статуса важный фактор относительно успешного вхождения в рынок — *унаследованная структура экономики города*. В более выгодном положении оказались многофункциональные центры, среди которых опять-таки преобладают региональные столицы. Фактор унаследованной специализации играет особую роль для моноцентров, которые в современной России составляют примерно 1/4 всех городов. Открытие рынков и глобализация привели к еще более резкому по сравнению с советским периодом расслоению в траекториях их развития.

Лишь небольшая часть моногородов, прежде всего экспортно ориентированных центров, привлекательна для инвесторов и населения, но и они из-за своей сильной зависимости от конъюнктуры мировых цен на производимую продукцию не могут развиваться устойчиво в течение долгого времени. Наиболее проблемными среди моногородов остаются центры легкой промышленности и машиностроения, особенно со специализацией на ВПК или на этих двух отраслях одновременно.

При этом многие из моногородов смогли развить новые отрасли специализации и уйти от монозависимости

прежде всего за счет развития малого и среднего бизнеса, часто связанного с развитием туризма. Такие центры, например Суздаль, по-новому вписываются в сетевые структуры городов и напрямую, минуя областной центр, выстраивают связи с Москвой — главным рынком сбыта туристических услуг и главными транспортными и финансовыми воротами страны в глобальном мире.

Влияние *фактора положения* существенно для всех городских центров, но показателен пример дивергенции траекторий развития северных городов, удаленность которых выступает в качестве барьера модернизации экономики, с чем связана быстрая потеря низовых звеньев городского каркаса (особенно поселков городского типа). Одновременно на Обском Севере, в зоне развития нефтегазового комплекса, продолжается процесс образования новых городов, а уже существующие центры активно благоустраиваются и развиваются. Яркий пример — Ханты-Мансийск — один из городов-лидеров в РФ по накопленным душевым инвестициям, который превратился в полноценный административный центр, центр деловой активности, большого спорта и культуры.

Несмотря на то что величина, статус, специализация и положение рассматриваются как “объективные” факторы пространственной дифференциации, обладающие высокой степенью инерции и кажущимся “прямым действием”, их влияние на самом деле напрямую зависит от господствующей политико-экономической системы, в которой эти факторы работают. Так, именно в результате смены политического режима в стране в сторону весьма радикальной “неолиберальной” модели с начала 1990-х гг. (и по сей день) и демонтажа целенаправленной политики по предотвращению пространственного расслоения эти “объективные” факторы усугубили неравенство, а не привели к обратному эффекту, как это было при социалистической модели развития. Поскольку даже при сложившихся капиталистических отношениях модели пространственного управления весьма разнятся и на выходе имеют разный уровень пространственного неравенства в различных странах и на разных исторических этапах, необходимо отметить примат политических отношений для неравномерного развития, они-то и задают “матрицу” возможностей и ограничений для действия разных “объективных” факторов.

Важную роль в воспроизводстве указанной политико-экономической “матрицы” играет текущая *политика властей разного уровня*. Переход к рынку, частной собственности и демократии изменил систему регуляторов и потребовал выработки новых приоритетов городской политики. Однако в настоящее время в РФ нет сформулированных в явном виде целей городской политики, и о них можно судить только косвенно по принятым стратегиям/концепциям, программам развития и другим документам.

К наиболее важным стратегическим документам федерального уровня относится Стратегия-2020, в ко-

торой определены новые принципы и направления региональной политики, связанные с формированием зон опережающего экономического развития и точек роста. Эти же приоритеты озвучены бывшим министром экономического развития, а теперь советником президента Э. Набиуллиной на Московском международном урбанистическом форуме (декабрь 2012 г.). Как следует из ее выступления, 20 крупнейших городов дают 50% ВВП страны, а на поддержку малых и средних городов тратится 2–3% ежегодного экономического роста страны. В связи с этим, по утверждению экс-министра, в первую очередь необходимо “выделять ресурсы на реализацию крупных федеральных проектов опережающего развития отдельных городов”, включая разработку “способов модернизации городской среды, по крайней мере, 12 городов-миллионников” [9]. Одновременно уменьшение числа малых и средних городов рассматривается в качестве “глобальной преопределенности” (хотя, объективно говоря, Россия испытывает дефицит городов, которые могли бы выполнять центральные функции на низовом уровне).

На этом фоне один из элементов де-факто реализуемой градостроительной политики, что также отмечено в выступлениях Э. Набиуллиной и Г. Грефа на Московском форуме, — проведение в России крупных международных событий, которые значительно влияют на развитие городов [9]. Озвученные приоритеты по первоочередной поддержке крупнейших городов и проходящих в них “ивентов” находят отражение как в динамике рейтинга городов — лидеров по объему инвестиций (табл. 3), так и в распределении инвестиций из федерального бюджета. Так, в 2011 г.

всего в 6 регионах из 83 субъектов РФ аккумулировано 40% всех инвестиций федерального бюджета. Краснодарский край с Олимпиадой в Сочи получил 11%; на долю Москвы пришлось 10%, причем этот показатель увеличился с 2008 г. на 4%; Приморскому краю с саммитом АТЭС-2012 во Владивостоке было выделено 8%; Татарстан с Универсиадой в Казани получил 5%; на Санкт-Петербург с Ленинградской областью пришлось по 3%.

Такая политика стимулирования крупнейших городов, конечно, усиливает неравномерность пространственного развития страны, причем у федерального Центра отсутствуют принципы выбора городов и регионов, и попадание в число “счастливчиков” зависит от активности и предприимчивости региональных и муниципальных властей, лоббирующих интересы своих территорий.

В контексте такой де-факто сложившейся федеральной политики усугубления, а не сглаживания межгородского неравенства, городские власти стали главным субъектом городской политики. Имея очень небольшие властные полномочия и крайне ограниченные финансовые ресурсы, они должны сами разрешать проблемы и влиять на политику региональных и федеральных властей в своих интересах. Важной формой продвижения российских городов становится празднование юбилеев и дней городов, проведение международных экономических и др. форумов.

Составная часть политики развития и инструмент продвижения интересов города — создание его узнаваемого имиджа. Региональные столицы в этом отношении снова оказываются в более выгодном положении, так как власти субъектов РФ видят в них

Таблица 3

Десять городов — лидеров по объему инвестиций в основной капитал в 2010 г.

Город	Численность населения на конец 2010 г., тыс. чел.	Доля города в объеме накопленных инвестиций по всем городам за 2006–2010 гг., %	Объем инвестиций в основной капитал, млрд руб.				
			2006 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.
Москва	11 552 (1)*	16,3 (1)	516	634	736	593	544
Санкт-Петербург	4869 (2)	6,6 (2)	155	243	296	261	298
Новосибирск	1475 (3)	1,3 (8)	30	48	67	48	55
Екатеринбург	1387 (4)	1,4 (6)	37	51	72	44	62
<i>Казань</i>	<i>1145 (8)</i>	<i>1,8 (4)</i>	<i>52</i>	<i>69</i>	<i>67</i>	<i>68</i>	<i>84</i>
Пермь	992 (12)	1,4 (5)	34	53	65	56	60
Краснодар	834 (18)	2,2 (3)	22	42	64	134	190
<i>Владивосток</i>	<i>616 (24)</i>	<i>0,9 (20)</i>	<i>11</i>	<i>13</i>	<i>25</i>	<i>43</i>	<i>91</i>
<i>Сочи</i>	<i>422 (44)</i>	<i>0,8 (25)</i>	<i>7</i>	<i>15</i>	<i>24</i>	<i>59</i>	<i>55</i>
Нижнекамск	234 (85)	0,9 (19)	13	16	33	63	61

* В скобках — место, занимаемое городом в соответствующем рейтинге. Курсивом выделены города — центры проведения крупных международных мероприятий. Составлено по данным ГМЦ России, 2012 г.

“витрину” своего региона и пытаются их приукрасить, причем часто в ущерб остальным городам региона. Колоссальные средства, в том числе государственные, идут на “знаковые” проекты, в которых региональные власти находят способ изменить имидж региона. В качестве примера можно указать строительство крупнейшей в Европе мечети и делового центра “Грозный-Сити” в Чечне.

При этом некоторые малые и средние города, не имея таких изначальных преимуществ, как столичный статус, значительный демографический потенциал, востребованную рынком специализацию, выгодное положение, смогли за счет “культивирования” имиджа стать успешными центрами. В целом эта модель развития наиболее эффективна для небольших городов, однако она действенна только вместе с другими факторами. Так, даже наиболее известный в этом плане г. Мышкин обладает выгодным экономико-географическим положением (ЭГП) на Волге, вблизи основных туристических центров Золотого кольца России, а также активами в виде пристани для приема круизных теплоходов и газокompрессорной станции ОАО “Газпром”. Нужно также отметить, что заработала эта модель только во второй половине 1990-х — 2000-е гг., когда в стране сформировался платежеспособный спрос на туристические услуги. Так, г. Мышкин не смог “раскрутиться” с первой попытки, хотя Музей мыши был создан еще в 1991 г. Позже (в 2000-е гг.) с подачи бывшего мэра Москвы Ю.М. Лужкова стал развиваться бренд г. Великий Устюг в качестве “родины” Деда Мороза. Для реализации имиджевой модели важно наличие лидера и инициативной (креативной) группы, а также внешнего импульса, который становится катализатором разработки и реализации этой модели развития.

Для крупных многофункциональных городов мало одного имиджа, будь то Колобок для Ульяновска или Снегурочка для Костромы, как и усилий властей по созданию благоприятных условий для развития бизнеса. Так, хотя Ульяновск и возглавил рейтинг 30 городов страны по легкости ведения бизнеса (вместе с Саранском и Владикавказом) в рейтинге Всемирного банка “Doing Business in Russia”⁵, это не сильно отразилось на динамике его развития (впрочем, как и Саранска с Владикавказом). Хотя город занимает 22-е место в рейтинге по численности населения и является областным центром, по объему накопленных инвестиций он находится только в 7—8 десятке городов страны.

Кроме политики властей одним из субъективных факторов, влияющих на развитие городов, служит *политика крупного бизнеса*, которая особенно сильно отражается на развитии монопрофильных или так называемых вотчинных городов тех или иных корпораций. В целом тот бизнес, который развился в данном городе и который продолжает отождествлять себя

с ним, поддерживает его развитие, тогда как внешний бизнес безразличен к судьбе этого города. Так, даже в довольно благополучных нефтяных городах ХМАО состояние городской среды сильно зависит от политики “владельца”. Наиболее привлекательны города ЛУКОЙЛа, промежуточное положение занимают центры ТНК-ВР, а наименее привлекательно выглядят города “Сургутнефтегаза”.

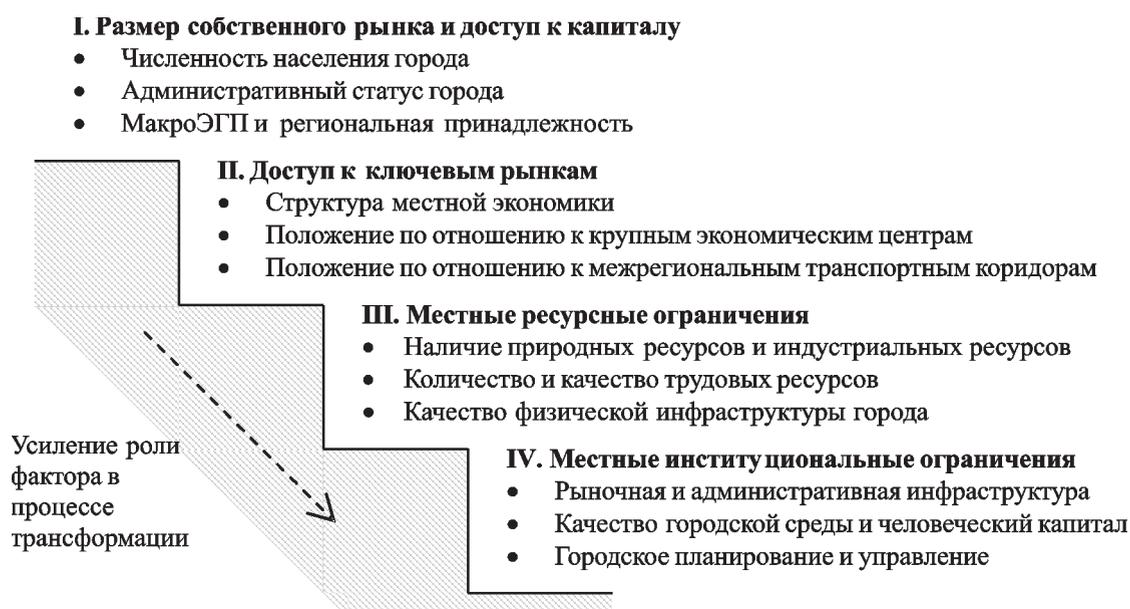
Качество городской среды становится одним из факторов дифференциации траекторий развития городов, которому в современной России начинают уделять все больше внимания. Кроме уже упоминавшихся нефтяных (шире — сырьевых) городов, по качеству городской среды выделяются закрытые и научные центры Минатома и Минобороны, которые за счет концентрации относительно молодого, хорошо образованного и креативного населения также выделяются *качеством человеческого капитала*. В свою очередь это приводит к улучшению *качества городского управления*, к поиску и развитию *новых элементов рыночной и административной инфраструктуры*. В качестве примера можно привести подмосковную Дубну с качественными городской средой и человеческим потенциалом, которая за счет развития малого и среднего наукоемкого бизнеса и наращивания новых функций уже в начале 2000-х гг. смогла иметь профицитный бюджет.

Пример эффекта *кумулятивного воздействия разных факторов* — самый маленький из наукоградов страны п.г.т. Кольцово в Новосибирской области, ведущий институт которого лишился государственного финансирования и был спасен за счет средств городского бюджета. В дальнейшем вокруг института, получившего статус государственного научного центра, возникли дочерние предприятия, бизнес-инкубатор, а позднее и технопарк. В 2003 г. п.г.т. Кольцово получил статус наукограда, сегодня это активно развивающийся центр с растущим населением. Хотя и в этом случае тренды его развития, активность властей и населения, как и сам факт его возникновения, связаны с его функциями и преимуществами экономико-географического положения: функции научного центра сочетаются с пригородным положением (поселок расположен в 25 км от центра Новосибирска и в 12 км от Академгородка) и близостью к аэропорту.

Выводы:

— построена схема пространственно-временной иерархии факторов, определявших положение города на разных этапах постсоветской трансформации (рисунков). В начале этого процесса наименьший спад и первые признаки развития наблюдались в крупнейших центрах, которые одновременно были столицами регионов, обладавших выгодным макроЭГП. Кроме того, более благополучная ситуация сложилась в тех городах, которые обладали “правильной” структурой экономики, унаследованной от советского периода,

⁵ Рейтинг экономик — Российская Федерация. URL: <http://russian.doingbusiness.org/rankings/russia> = (дата обращения: 09.06.2012).

Пространственно-временная иерархия факторов экономического положения российского города в процессе постсоветской трансформации

и близостью к крупным ключевым рынкам. Спад в городах за пределами этих двух групп, фактически представленных крупнейшими городами и их агломерациями, проявился сильнее всего. В стадии восстановления экономики пространственные границы экономического оживления расширяются в результате включения двух других факторов: местных условий и местных институтов;

— установление в стране “неолиберальной” идеологии отразилось на усугублении экономических диспропорций в развитии городов. Советское пространственно-экономическое наследие — важный фактор дифференциации показателей развития городов, но коренные причины усиления пространственной неравномерности в постсоветский период связаны главным образом с господствующими политико-экономическим и геоинституциональным режимами, которые задают “матрицу” возможностей и ограничений для “капитализации” наследия. Именно этим объясняется то, что при социализме городская география служила локомотивом равномерного пространственного развития, а при неолиберализме та же география стала выполнять обратную функцию;

— пространственные элементы нового режима — идеология “свободного плавания” в отношении основной массы городов и непропорциональная поддержка узкого круга политически назначенных “локомотивов роста”, “городов-витрин” и городов-“мегасобытий”. На фоне централизации рычагов управления и концентрации финансовых потоков (как по административной иерархии, так и по финансово-олигархическим кланам) новая идеология и практика переформируют ранее эгалитарное пространство в новый неравномерный порядок;

— в современной российской урбанистической литературе доминирующая роль указанных ранее движущих сил скрыта под кажущейся предопределенностью неравномерного пространственного развития факторами, которые скорее являются опосредствующим звеном, нежели первоисточником. Таким образом, происходит “натурализация” экономико-географических процессов, которые имеют под собой политические корни и должны стать предметом широкого обсуждения для выработки более прогрессивных моделей территориального управления и государственного устройства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Битюкова В.Р., Махрова А.Г. Устойчивое развитие городов: экономико-географический аспект // Образование для устойчивого развития: опыт Восточной Европы, России и Центральной Азии. М., 2008. С. 179—187.
2. Вендина О.И. Невидимые сдвиги в развитии городов // Географическое положение и территориальные структуры. Сб. памяти И.М. Маергойза. М., 2012. С. 780—811.
3. Зубаревич Н. Российские города как точки роста // Российское экспертное обозрение. 2006. № 2 (16). URL: <http://www.rusrev.org/content/review/default.asp?shmode=8&ids=125&ida=1197&idv=1204> (дата обращения: 25.06.2012).

4. Зубаревич Н.В. Социальное развитие регионов России: проблемы и тенденции переходного периода. М.: Издательство УРСС, 2005.
5. Зубаревич Н.В., Махрова А.Г. Наукограды России — точки роста или стагнации // Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации за 2004 год. М., 2004. С. 103—104.
6. Махрова А.Г. Формирование рынков жилья в городах России // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5. География. 2007. № 1. С. 49—56.

7. Махрова А.Г., Голубчиков О.Ю. Российский город в условиях капитализма: социальная трансформация внутригородского пространства // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5. География. 2012. № 2. С. 26—31.
8. Махрова А.Г., Перцик Е.Н. Урбанистическая революция // География, общество, окружающая среда. Т. V. География социально-экономического развития Ч. 3. Трансформация социально-экономического пространства России. М., 2004. С. 570—579.
9. Московский международный урбанистический форум. URL: <http://urbanforum.ru/mediaroom/videos/17> = (дата обращения: 25.06.2012).
10. Неведова Т.Г., Трейвиш А.И. “Сильные” и “слабые” города России // Полюса и центры роста в региональном развитии. М., 1998. С. 135—143.
11. Неведова Т., Трейвиш А. Города и веси: поляризованное пространство России // Демоскоп Weekly. 2010. № 437—438. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2010/0437/tema01.php> = (дата обращения: 19.05.2012).
12. Неведова Т.Г., Трейвиш А.И. Динамика и состояние городов в конце XX века // Город и деревня в Европейской России: сто лет перемен. М., 2001. С. 196—225.
13. Перцик Е.Н., Путерский Д.С. Оценка потенциала развития городов России // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5. География. 2010. № 1. С. 12—17.
14. Трейвиш А.И. Город, район, страна и мир. Развитие России глазами страноведа. М.: Новый Хронограф, 2009.
15. Brenner N. ‘Glocalization’ as a state spatial strategy: urban entrepreneurialism and the new politics of uneven development in western Europe // Remaking the Global economy: Economic-geographical perspectives. L.; Thousand Oaks: Sage, 2003. P. 197—215.
16. Golubchikov O., Phelps N., Makhrova A. From closed city to edge city? Governing growth at the periphery of Moscow — the case of Khimk // Intern. Perspectives on Suburbanization: A Post-Suburban World? Palgrave-MacMillan, 2011. P. 177—191.
17. Golubchikov O. World-city-entrepreneurialism: globalist imaginaries, neoliberal geographies, and the production of new St Petersburg // Environment and Planning. 2010. Vol. A, N 42 (3). P. 626—643.
18. Molodikova I., Makhrova A. Urbanization patterns in Russia in Post-Soviet era // The Post-Socialist City. Urban form and space transformations in Certain and Eastern Europe after socialism. Springer, 2007. P. 49—66.
19. Treivish A., Brade I., Nefedova T. Russian cities at a crossroads // GeoJournal. 1999. Vol. 49, N 1. P. 115—127.

Поступила в редакцию
18.07.2012

O.Yu. Golubchikov, A.G. Makhrova

FACTORS OF UNEQUAL DEVELOPMENT OF RUSSIAN CITIES

Factors of unequal development of Russian cities during the post-Soviet period are analyzed in terms of the interrelation between different groups of objective and subjective factors. Population of a city, its functions and status, inherited structure, economic-geographical position, policies of authorities and business, quality of the urban environment and human capital are all discussed as factors of unequal development of Russian cities.

Key words: cities, unequal development, factors of transformation, population numbers, city functions, EGP, urban policies.